

Александр Дорошенко

Пророк без отечества

«И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен...

Господь сказал [Моисею]: кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? ...итак пойдя, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить»*

Я
Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира-Кто-Просвещает-Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов,
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых,
Где среди степей и рыжей кукурузы
Еще кочуют дымные костры
И таборы цыган;

Я
Довид-Ари бен Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

* «Исход»

Я
Довид-Ари,
Чей пращ исторг
Предсмертные проклятья Голиафа, –
Того, от чьей ступни дрожали горы, –
Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою.

Я помню все:
Пустыни Ханаана,
Пески и финики горячей Палестины,
Гортанный стон арабских караванов,
Ливанский кедр и скуку древних стен
Святого Ерушалайми.

И страшный час:
Обвал, и треск, и грохоты Синая,
Когда в огне разверзлось с громом небо
И в чугуне отягощенных туч
Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки-Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кинор,
И дым, и вонь отцовской бакалейки –
Айва, халва, чеснок и папушой, –
Где я стерег от пальцев молдаван
Заплесневелые рогаи и тарань.

Я
Довид-Ари бен Меир,
Тысячелетия бродившее вино,
Остановился на песке путей,
Чтобы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любви и тоски –
Блаженный груз моих тысячелетий

В звучании этих стихов что-то даже не тормозит восприятие, но странным прикосновением удивляет, не отторгает, нет, но оно иное, непривычное. Косноязычный странный сплав...

Я
Довид-Ари бен Меир

Его отца звали Меир, это означает «свет».

Ему потом объяснили знающие люди, что в языке русском так не бывает, что есть правила и каноны, что... Эти знающие ребята всегда отличаются надежным знанием и бесплодностью. Такое знание идет об руку с творческой импотенцией.

Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою...

Он и сам знал, что это чужой стан. Что его голос из иного мира, конечно, из мира русской словесности, но и еще откуда-то, а откуда, он не понимал и сам... Это был голос самых первоначальных времен, необработанный голос.

Его поправили, ему надавали советов. Так, собственно, получилось и с неведомым ему поэтом советской России Иосифом Уткиным, которому поправили до неузнаваемости голос. Но Довид Кнут голос свой удержал.

В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов...
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых...

Крепкоудых – это у него от генетической силы... Он так воспринимал и само отношение Бога с человеком, сам акт творения, как в наших земных формулировках мы воспринимаем создание

нового человека. Это первоначальное, отраженное на страницах Библии восприятие мира.

кочуют дымные костры и таборы цыган

Дымные костры и таборы цыганские сами по себе не кочуют. Но если так чувствовать текст, так спотыкаться об научение и привычку, то читать надо иное, например, как Муму бросилась в отчаянии под поезд.

Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки-Адоная...

Тяжелый глаз Владыки...

Все, что в нем было, в Довиде, было уже изначально, потому что Поэт рождается путем Откровения. Боль чужбины только обострила это восприятие мира. Как противостояние Бога и человека.

Блаженный груз моих тысячелетий

Родившись в забытой Богом Бессарабии, на самом краю цивилизации, уйдя от языка предков и восприняв материнским именем русский язык, язык Великой русской литературы, переместившись из этой дыры непосредственно в Париж, в самое средоточие парижской художественной и культурной богемы, Довид странным образом ощущал время, его движение и состояние, – над его головой были именно библейские небеса и простертая рука Бога.

В памяти его, в еврейской памяти предков, генетически закрепленной тысячелетиями гонений, лишений и презрения всех народов, сквозь которые им приходилось идти, в этой памяти напряженной струной звенела несокрушимая уверенность в первородстве.

Он так и назвал первую свою и самую главную книгу, косноязычно, «Моих тысячелетий». Его во всех рецензиях хвалили

и поправляли, поэта из южнорусской провинции, прихрамывавшего на «русский язык». И забыли или не смогли понять данное нам в память отсветом вечности, – как прихрамывал праотец наш Иаков после ночи, проведенной в борьбе с самим Богом, – Иаков, не уступивший Богу и ставший Израилем.

Довид-Ари бен Меир

В этих новых временах Богу с пророками стало трудно.

Он с нами говорит только через пророков, потому что сам Он напрямую говорить с нами не может. По-прежнему время от времени Он продолжал посылать к нам пророков, чтобы вразумить и предупредить. Надо верить, что посылал, иначе трудно осознать и примириться с бедствиями нашей земной жизни. Но эти люди, отмеченные Богом, большей частью уже не понимали своего высокого предназначенья. Сын портного так и оставался портным, а сын владельца бакалеи становился бакалейщиком. Они всю жизнь чувствовали какое-то странное неудобство, но смысла его и причин не понимали.

Пророками они не становились, и Слово Божье к нам не доходило.

Для того чтобы пророк состоялся, его необходимо услышать. Дальше он бессилен. Дальше это уже наше земное дело, суметь прочесть и понять. И есть книги, так никогда и не заговорившие с нами, книги, в которых звучит голос Бога в пустыне нашего небытия.

Но в преддверии катастрофы Он сумел к нам докричаться.

В начале самого страшного столетия два больших пророка пришли к нам на землю. Бог послал их в самую болевую точку мира, в Россию, но, как и положено, Он выбрал пророками людей из своего Народа, народа евреев. Голос Бога, звучавший эхом русского народа, был озвучен евреями по происхождению. Евреи это народ Книги. Эти двое и были из народа Книги, только теперь, в этих новых временах, они понимание Книги для себя расширили. Это были эмансипированные евреи. Они, как и их предки, считали единственно важным в мире людей, в нашем земном мире,

Слово. Но Словом они теперь занимались сами, творя свое, новое Слово. Конечно, им только казалось, что делают это они сами, по своему произволу. Нам кажется, что рука наша ведет перо, подчиняясь велению сердца. Но в тех немногих случаях, когда нам даровано создать Текст, нашу руку ведет Бог. Он направляет ее, вчитывается в легшие на бумагу слова и строки и заставляет переписывать, возвращаться еще и еще, пока слова не займут отведенное им первоначальное место, а строка не заговорит. В каждой из немногих настоящих записанных на земле строк слышен голос Бога.

На этот раз Бог отправил своих пророков к разделившемуся народу России. Поэтому они говорили на русском языке, хотя пророки должны гово-

рить на языке Бога. Это впервые Бог посылал на землю пророков ко всем народам земли, а не только к евреям.

К оставшимся на родине Он послал пророка, чтобы предупредить о грозящей беде. Имя у этого пророка было странным по звучанию – Бабель. Звали его, естественно, Исаак. У него были внимательные глаза, цепкий взгляд, и слово его было раскаленным углем, брошенным в лицо и глаза слушателей. В отчетливой тишине звучали его слова о том, кто мы и кем мы можем стать, во что превратиться, если не опомнимся. Этого пророка люди убили. Только очень немногие расслышали его голос. Он говорил об одичании, о грани, за которой кончается дарованная нам благодать, быть и оставаться людьми, и где мы возвращаемся в перво-

Довид Кнут

бытное дикое состояние, когда людьми мы еще не были. На страницах Библии неоднократно отмечено, что люди не любят пророков и пытаются сначала закрыть себе уши, чтобы не слышать этих раскаленных слов, а затем закрывают пророку глаза и рот.

К ушедшим в изгнание Он послал пророка-утешителя, чтобы успокоить и утешить больное сердце изгнанников. Чтобы даровать надежду. Имена у евреев этих новых времен были странными для народов окружения и, конечно, для русского народа, и поэтому имя этому пророку Бог определил русским по звучанию словом «Кнут».

Звали его Давид, и он назвал себя, по велению Бога, Довидом Кнутом.

Да, я повинен в непомерном счастье –
И в простоте своей ликую я.
Я утверждаю – самовольной властью –
Досмысленную радость бытия.

Трудна судьба: среди грузных и бескрылых
О легкости, о небе говорить,
Среди полумертвых, лживых и унылых
Бороться, верить, радоваться, быть.

Я вас зову в сообщники и братья,
Не презирая вашей слепоты,
Услышьте же дыханье благодати
Над этим миром трудной суеты.

Настойчиво спасая вас от смерти,
Я вас прошу: для вас – и для меня –
Предайтесь мне и голосу поверьте
Утерянной отрады бытия.

Имя его Давид Миронович Фиксман, но под таким именем стихов не написать! Он назвал себя Довид, а имя Кнут, возможно, стало памятью о России*. Он вышел даже не из России, а из Бессара-

* Вроде бы, Кнут – это девичья фамилия его матери.

бии, где прошли его детство и юность. Жил и боролся во Франции, и умер в Израиле. Отец его Меир (Мирон) Фиксман держал в Оргееве, неподалеку от Кишинева, небольшую бакалейную лавку, где Давид помогал ему торговать.

Айва, халва, чеснок и папушой, –
Где я стерег от пальцев молдаван
Заплесневелые рогаи и тарань.

Там, в Оргееве, было старинное еврейское кладбище. Оно существует и сегодня, лежат там мертвые, но на поверхности, вероятно, не многое уцелело. Эта земля смешалась с еврейским прахом, и навечно она теперь часть земли Израиля.

У Михаила Светлова в поэме «Хлеб» описан именно такой еврейский мальчик из бакалейной лавки, ненавидевший ее, все эти «заплесневелые рогаи и тарань», много читавший, и благоговевший перед именем Пушкина. Близкими были судьбы самого Светлова, Иосифа Уткина и Эдуарда Багрицкого. Эти ребята уходили в новый, открывшийся мир, а в нем определяющие главным для них были русский язык и русская литература. Они мало что, кроме ярких воспоминаний детства, оставляли за своими плечами.

Меня учили: крыша – это крыша.
Груб табурет. Убит подошвой пол,
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол...
Родители?
Но в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня бросают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.
Дверь! Настежь дверь!..

Так когда-то из лавки колониальных товаров ушел в русский язык Антон Чехов. Такая лавка, насквозь и навсегда пропахшая чесноком и таранью, отличная отправная точка для начала пути.

Но в русской бакалейке были только чеснок и водка, в еврейской, в задней комнате, непременно лежала Тора.

Особенный «еврейско-русский воздух», где он мог вдохнуть его, – неужели в этом молдавском Оргееве? Этот воздух был в моем городе, в Одессе, где русский язык жил вдалеке от России, где он стал особым, южным, напевным, где его так ощутил Пушкин. Стихи он начал писать рано, еще в Бессарабии. Но в России, на родине, он не успел ничего опубликовать. Он жил на самом краю России, вдалеке от ее культурных центров, но этого хватило, чтобы духовное поле этой земли уловило его в свои сети. Особенный еврейско-русский воздух пронизывал насквозь эту землю, в нем было море и солнце, в нем был растворен могучий несмолкаемый говор великой южной столицы, Одессы, он пронизывал эти пространства земли, он выпрямлял походку, делал зрячими глаза, он рождал независимость, растворенную в нашей крови, ту независимость и веру в себя, которая в любых земных бедствиях позволяет выстоять и сохраниться. Сохранить душу...

О юности его сохранилось мало достоверных сведений. Семья была многодетной, и часть детей погибла в кишиневском погроме. В 1918 году Бессарабию аннексировали румыны, и в 1920 Довид эмигрировал в Париж. С ним были сестры и младший брат. Двадцатилетним попав в Париж, он перепробовал множество профессий. Он работал с еврейской основательностью, трудолюбием и изобретательностью. Довид имел профессиональное образование инженера-технолога*. Он занимался ручной раскраской материи и держал одно время красильную мастерскую. Служил на сахарном заводе. В двадцатых годах Довид держал дешевый ресторан в Латинском квартале, где подавали его сестры и брат. Это было насущным куском хлеба, надо было жить, помогать сестрам, надо было превозмочь нищету.

Но главное, заключенное в нем, невысоком и худеньком, главное – это было Слово. Оно продолжало жить, оно хранилось в его душе, как зерно, должное прорасти в срок. Слово это было от происхождения, памятью Народа, народа Книги, народа, который никогда, в любых немислимых для иных народов земли бедст-

* В 1924 году он окончил Каннский университет.

виях, стоя постоянно на краю могильной ямы, никогда не позволял себе и никогда не позволил забыть свое святое предназначение – Книгу, врученную однажды Богом Моисею, Книгу, которая и стала смыслом жизни Народа...

Был он некрасив, небольшого роста, черноволосый и длинноносый, и были у него большие и, конечно же, грустные еврейские глаза. Вспоминает Андрей Седых: «Однажды в «Хамелеоне» появился юноша с лицом оливкового цвета, с черными, как смоль, вьющимися волосами – настоящий цыганенок». Маленький и невзрачный, он обладал фантастическим влиянием на женщин. Он как бы повторял своего предшественника, тоже частично «молдаванина», Александра Пушкина.

Большой пророк вполне умещается в небольшом теле.

Очень живой и общительный, Довид в 20-30-е годы был одним из создателей и самых активных участников множества литературных объединений «русского Парижа». Во второй половине двадцатых он посещал «Зеленую лампу», салон Гиппиус-Мережковских, а принимали там далеко не всех. В результате он познакомился и сблизился с В. Ходасевичем. Дружил с Ю. Терапиано, А. Гингером...** Дружил с Ниной Берберовой, и странным образом, она не написала о нем ничего порочащего, хоть и близко знала. Пожалуй, он единственный, о ком эта стервозная баба ничего плохого не сказала. Такое надо заслужить!

Стихи писал на русском материнском языке. Публицистику на французском. Иврит так никогда и не освоил, даже попав в Израиль.

Есть исключительный дар высоты, равнозначный как в поэзии, так и в прозе. Таким был Александр Сергеевич Пушкин. Есть талантливые писатели, чье поэтическое творчество незначительно, например, Иван Бунин или Владимир Набоков. Странность в том, что обладая развитым чувством текста, они своей поэтической несостоятельности не ощущали. Есть поэты, кото-

** Именно Довиду Кнуту принадлежит мысль о том, что «литературная столица России теперь не Москва, а Париж», высказанная им на одном из первых заседаний «Зеленой лампы». Конечно, это было преувеличением значимости разрозненной парижской литературной среды, несогласованной в горизонтальном пространстве отсутствием школ и направлений и разорванной в вертикальном, где старшие и молодые поколения никак связаны не были. Но это давало утешение эмигрантскому сердцу, лишенному родины и всякой почвы, лишенному даже самой надежды эту родину когда-нибудь обрести вновь (Прим. автора).

рым не следует обращаться к прозе, не следует опускаться на землю. Таким был Довид Кнут.

В 1925 году вышла книга стихов с косноязычным названием «Моих тысячелетий», обрывком фразы из стихотворения, открывающего этот томик. Косноязычие это вовсе не было от плохого знания русского языка, но что-то иное, громадное своей громадностью, не могло быть выражено на русском. Ему нужна была иная основа для выражения. В основе русского языка Довида Кнута лежал язык древней прародины, памятью об иных, первоначальных небесах. Поэзия Довида это уникальный пример, – как пророк Библии мог бы говорить на русском языке.

Евреи перешли на арамейский еще в период Второго Храма, затем они переходили на греческий, на латынь, на все молодые и новые языки Европы, последовательно и легко их осваивая. Предки Довида во многих поколениях говорили на идиш, но в его поэтическом дыхании ощути́м святой язык Библии, язык, на котором увещевали и успокаивали свой народ большие и малые библейские пророки.

Последовательно выходили сборники стихов: «Вторая книга стихов» (1928), «Сатир» (1929), «Парижские ночи» (1932) и «Настущая любовь» (1938). Он часто выступал на поэтических вечерах, читал свои и разбирал чужие стихи. Но кусок хлеба он зарабатывал, как и все молодые литераторы в Париже, тяжелым трудом. В начале 30-х Довид нанялся на работу в немецкую торговую фирму, где с утра до вечера развозил на трехколесном грузовом велосипеде товары по всему городу. Так он попал под колеса автомобиля и в госпиталь, где познакомился с Евой Циринской (Киршнер), а незадолго до этого со своей будущей женой Ариадной Скрябиной, дочерью русского композитора.

Он посвятил ей удивительные слова:

Но как будто мне было предсказано это,
Будто были обещаны мне
Кем-то (кем – я не помню), когда-то и где-то
Этот вечер, и встреча, пятна зыбкого света,
Беспредельная ночь в вышине...

Будто было когда-то обещано это:
Ненасытные руки твои,
Ветер, запах волос, запах позднего лета,
Скорбный голос, любовною скорбью согретый,
Темный воздух последней любви.

Написав в 1939 году цикл стихов «Прародина», Довид больше стихов не писал, и только в 1949 году, перед отъездом в Израиль, издал книгу избранных стихов, но это было всё старое. Это было прощание с миром поэзии. Вся его краткая поэтическая судьба уложилась в границах надежды и веры в истоке и глухого отчаяния в конце.

Молчание свое он объяснял временем, событиями и судьбой. Он сказал Еве Киршнер перед ее отъездом в Палестину в марте 1940 года: «Теперь не время петь». Нечто подобное произошло с Владимиром Жаботинским. Он стал публицистом, редактором еврейской на французском языке газеты «Affirmation», выходившей на протяжении всего 1939 года, и общественным деятелем. Довид Кнут говорит на страницах своей газеты о грозящем всепланетном еврейском погроме. Страшное предчувствие оборвало навсегда его поэтический голос.

Его мобилизовали во французскую армию, но она не смогла и не стала воевать. Это было позорным проявлением деградации нации французов. И предвестником нынешней деградации европейской культуры в целом. 11 июня 1940 года немцы вошли в Париж. Довид и Ариадна отправляются на юг, в не оккупированную часть Франции, в Тулузу. Здесь они создают Еврейскую боевую организацию Сопротивления*. Кнут руководил ею до 1942 года, когда, опасаясь ареста, перешел в Швейцарию, где и скрывался до освобождения Франции. Ариадна осталась в Тулузе, где в мае 1943 года родился их общий сын. Ариадна занималась спасением попавших на французскую территорию сбитых союзных летчиков – их переправкой в Испанию. Она переправляла в Швейцарию и еврейских детей.

* Французское Сопротивление оказалось по национальности участников преимущественно еврейским. Это отметил Шарль де Голль, сказав, что «церковь дала меньше бойцов, чем синагога» (Прим. автора).

22 июля 1944 года Ариадна была расстреляна французскими полициейми. Она была посмертно награждена высшими наградами Франции.

Довид никаких наград не получил.

Стихи Довид Кнут никогда больше не писал. Трагедия и обстоятельства гибели жены преследовала его всю оставшуюся жизнь. Трагедия еврейского народа оборвала его голос. Это случилось и с другим русским поэтом эмиграции, евреем Дон-Аминадо.

Осенью 1948 года Кнут вместе с молодой женой Лией* едет в образовавшееся Государство Израиль. По сути, он приехал в чужую страну.

В Париже он побывал еще дважды, в 1948 и в 1954 годах. Последний раз уже больным.

15 февраля 1954 года Довида Кнута не стало.

Слова Бога, впервые записанные на русском

Косноязычный, как Моисей, он родился и вырос среди иного народа, и говорить научился на чужом языке. Никого не было рядом, кто бы мог расслышать и повторить его голос, его слова. Кто мог бы передать и растолковать их народу.

У Моисея был разговорчивый брат Аарон.

Потому что народ нуждается в толкованиях, и даже Иисус вынужден был говорить с народом в притчах.

Он слов не подбирал, в нем рождалась тяжкая музыка, древняя, на неведомом ему языке, это был даже не иврит, язык его прародины, это был язык, на котором Моисей услышал и смог понять сердцем первые слова Бога, сказанные человеку...

Мы этого языка никогда не знали и, может быть, услышим его в самом конце, в Судный день. И сразу пойдем слова, они запасыны в нашей душе, – это ее язык.

Вся беда в том, что мы так и не научились понимать язык нашего первородства.

* Молодая актриса Виргиния Шаровская, ставшая Лией Кнут (Прим. автора).

Поэт ощущает ритм, мелодию. Слов еще нет, и надо перевести услышанное на понятный язык людей. Так Пушкин перед произнесением первых слов что-то бормотал, несвязное, неразличимое... Так Манделъштам ходил из угла в угол и что-то невнятное выпевал, бесконечно долго, пока из этой мелодии не рождались слова...

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Неразрушаемая связь.**

Это подложка, первоначальный язык людей, утраченный и рассеянный со времен крушения Вавилонской башни. Он нуждается в переводе и разъяснении.

То, что Довид написал, – это как если бы Бог заговорил на русском языке!***

Стою у моста.
Так пророк носил скрижали.
Стоит тишина у рта.****
Ждет, чтоб губы сжались...

Молчать.
Замкнуть непристойные губы.
На язык неподобный и грубый
Каленая ляжет печать.

В тишине,
Небывалой,
Глушительной,

** Осип Манделъштам

*** Удивляюсь безмерно, – почему Богу для разговора с нами нужны инородцы?! – Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Осип Манделъштам, Довид Кнут... Что мешает Ему сказать слова правды устами коренного носителя? Но если вы хотите различить слова Бога на родном русском языке, – научитесь читать и понимать стихи Довида Кнута! (Прим. автора.)

**** Смотри у Иосифа Уткина: «А омут стоит у рта». Ведь омут и есть тишина, опасная обрушением в бездну (Прим. автора).

Почтительно восстанут уши.
Слушать.

Господи, видишь:
Стою
Мал,
Нем,
Прост.
Аз есмь
Последний пес

Аз есмь
Последняя гнида,
Сосущая Твое вымя...

Молчать.
Растопить в молчании душу.
Слушать.

И вот
В тишине
Мне
Весть:
Есть.

И вот
В тишине
Мне
Песнь:
Есть.

И вот
В тишине
Мне
Знак:
Так.

Господи!
Не дышу.
Не стою.
Не смею –

В небесном ропоте,
В райском топоте,

Синеет –
Реет –
Слово.

Неизъяснимое.
Бесподобное.
Неповторимое.

Такой силы образ был только у Маяковского!
Это параллель-пересказ пушкинского «Пророка», иными словами и образами.

Это слова Моисея, в отчаянии сказанные им Богу: «О, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен...».

Косноязычный, как Моисей.

Наверное, есть у Бога резоны делать своих пророков косноязычными!

Знание языка – это вовсе не умение подбирать слова!

И, ничего ни в чем не понимая,
Случается, в час гибельный, ночной,
Порой я смысл какой-то постигаю,
Тень правды вдруг мелькает предо мной.

Но рассказать другому не умею.
Но передать словами не могу,
И потому смущен – и цепенею,
Безмолвствую, кощунствую и лгу.

Это называется откровением. Таким методом постижения мира пользовались библейские пророки. Он достался по наследству поэтам. Это передал Александр Сергеевич Пушкин в своем «Пророке»:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Голос Довида Кнута – голос пророка Библии, – если бы тот родился в снежной России, никогда не видел и не знал Иудеи, говорил бы на родном русском, а на иврите с русским акцентом.

Он плохо вмещается в русский язык, этот голос. Или иначе – это впервые в нашем языке звучит его исходная первооснова!

Это не было памятью забытого языка, – он не знал иврит, вернее, так и не смог осилить. Это было основой его существа, памятью «тысячелетий».

Я
Довид-Ари бен Меир,
Тысячелетия бродившее вино

Это единственная известная мне странность, – Бабель, Багрицкий, Светлов были русскими литераторами. Даже Владимир Жаботинский был русский писатель, пока писал. Их язык был в первооснове одесским, южнорусским языком, в основу которого легла интонация идиш.

В Москве Довида могли бы понять, это ведь наш голос, южнорусский, из которого вышла новая литература России. Это голоса Бабеля, Олеси, Ильфа, Багрицкого, Катаева... В Париже его пытались исправить. Пытались сделать правильно русским. Он прислушивался к этим советам, постепенно утрачивая голос.

В основе языка Довида Кнута лежал язык, которым пользовались пророки Библии.

* Александр Пушкин. Пророк. 1826.

Новое вино в старый мех – глупо!
Старое вино в новый мех – опасно!
Но Бог упустил из виду – для такого голоса нужен равноценный слушатель.

Собственно, у Него самого слушателей в этих тысячелетиях было немного.

Народ был в Изгнании, и Господу нужен был среди Народа голос, чтобы быть услышанным.

Довид Кнут русским не был, но и Моисей не был евреем.

Господу виднее, кого послать к своему Народу!

Пророк, когда принес с Синая своему народу скрижали и когда увидел, что народу они не нужны, – разбил их в гнев.

Удивительно, Господь, создавший Пророка и пославший его в мир говорить с народом, прислушивается, что из всего этого выйдет?! И по-человечески огорчается неудачей!

Страшно сказать, – эти уши Господни, они что же, устроены на манер собачьих? Только у благородного пса вот так в момент внимания к внешнему миру «восстают» вертикально уши и чуть поворачиваются в сторону звука, – чтобы лучше слышать.

Мы, люди, так не умеем.

Голос Довида Кнута – это был голос библейского пророка, идущего снежными бесконечными дорогами России.

Сжались губы, и Довид перестал говорить, перестал быть поэтом. У него не было с кем говорить.

Тишина стала у рта.

Кишиневский погром

Довид описал как очевидец все тысячелетия непрерывных погромов, изгнаний, убийств и уничтожений Народа:

Я помню тусклый кишиневский вечер...

Несли на палках мертвого еврея.

Под траурным несвежим одеялом...

За стариками, несшими носилки,
Шла кучка мане-кацовских евреев...*

Большая скорбь им веселила сердце –
И шли они неслышною походкой,
Покорной, легкой, мерной и неспешной,
Как будто шли они за трупом годы...

Пред ними – за печальным черным грузом
Шла женщина, и в пыльном полумраке
Невидно было нам ее лицо.

Но как прекрасен был высокий голос!

Не о худом еврее на носилках
Подпрыгивавшем, пел он – обо мне,
О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тщете, недоуменьи,
О глазках умирающих детей...

Еврейка шла, почти не спотыкаясь,
И каждый раз, когда жестокий камень
Подбрасывал на палках труп, она
Бросалась с криком на него – и голос
Вдруг ширился, крепчал, звучал металлом,
Торжественно гудел угрозой Богу
И веселел от яростных проклятий.
И женщина грозила кулаками
Тому, Кто плыл в зеленоватом небе,
Над пыльными деревьями, над трупом,
Над крышею Родильного Приюта,
Над жесткою, корявою землей...

* Мане-Кац это еврейско-русский художник эмиграции, друг Довида, часто изображавший евреев. Довид позже изменил эту строку. Кац – это аббревиатура ивритских слов «коэн цадик», потомков библейского Аарона, Моисеева брата, – что можно добавить к этому?! (Прим. автора.)

...Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
Большая пыль...
Простой обряд еврейских похорон
И женщина из книги Бытия.

Большая скорбь им веселила сердце, –
Они не годы идут за трупом, но тысячелетия...

В отличие от слов Хаима-Нахмана Бялика, посвященных этому страшному погрому, Довид не использует ни яростных, ни обличительных слов. Но страницей Библии возникает яростно танцующая Дебора, «женщина из книги Бытия», и голос ее звучит «угрозой Богу».

Особенный, еврейско-русский воздух

Я помню тусклый кишиневский вечер
Мы огибали Инзовскую горку,
Где жил когда-то Пушкин. Жалкий холм,
Где жил курчавый низенький чиновник –
Прославленный кутила и повеса –
С горячими арапскими глазами
На некрасивом и живом лице...

...Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
Большая пыль... Мои стихи в «Курьере»,
Доверчивая гимназистка Оля,
Простой обряд еврейских похорон
И женщина из книги Бытия.

Но никогда не передам словами
Того, что реяло над Азиатской,
Над фонарями городских окраин,
Над смехом, затаенным в подворотнях,
Над удалью неведомой гитары,

Бог знает где рокочущей, над лаем
Тоскующих рышкановских собак.

...Особенный, еврейско-русский воздух...
Блажен, кто им когда-нибудь дышал.

Еврейский погром в Кишиневе странно начинается образом Пушкина, чтобы завершиться светлыми и самыми нежными словами, когда-нибудь сказанными о нас, о происхождении нашей души...

Еврейско-русский воздух.

Это наш язык, южный, одесский, в котором основой певучести, основой небывалой образности и метафоричности стал язык великой Атлантиды евреев – идиш!

Эту странную мелодию Александр Сергеевич Пушкин услышал на улицах нашего города, и она окрасила его речь.

Позже этот язык определил голос русской литературы двадцатого века!

...курчавый низенький... – прославленный кутила и повеса – с горячими арапскими глазами на некрасивом и живом лице... – эти слова, сказанные о Пушкине, есть точный портрет самого Довида Кнута!

Другие берега

Ты отплываешь в поисках новых берегов, заведомо зная, что берегов этих не было, нет, и уже никогда не будет.

Бездомный парижский ветер качает звезду за окном.
Испуганно воеет труба и стучится в заслонку камина.
Дружелюбная лампа дрожит на упрямом дубовом столе
Всем бронзовым телом своим, что греет мне душу и руку.
Сжимаются вещи от страха. И мнится оргеевским сном
Латинский квартал за окном, абажур с небывалым жасмином,
Куба комнатного простота нестоличная – и в полумгле
Заснувшая женщина, стул, будильник, считающий скуку.

«О, чуток слух и зряч надменный взгляд
Тех, кто заброшены и одиноки...
Но есть еще – мучительный закат,
Любимые, безжалостные строки.
Еще нередко человеческий взор
И молчаливое рукопожатье
Нам облегчает тяжесть и позор
Библейского жестокого проклятья.
В дневном поту и в холоде ночей
Все горше терпкий вкус любви и хлеба.
И вот – в последней нищете своей –
Мы избегаем вглядываться в небо:
В пустыне мира глухи небеса
К слабеющим мятежным голосам,
Что гибнут в синей музыке вселенной...

О, бедность наша, будь благословенна».

Это не от усталости, и даже не от прозрения, что там, в небесах, пустыня, – это от высокомерия по отношению к Богу!

В России, где он родился и провел детство и юность, на него обрушился страшный кишиневский погром. Родная страна лишилась осязаемой плоти, и плотью стало Слово, которое он унес с собой в изгнание.

Во Франции его ждала нищета. В мире, где было холодно и пусто, у него остался русский язык, ставший спасением.

Израилю, молодому строящемуся государству, было не до него. У него был голос Пророка, но пророку необходим народ, с которым он мог бы говорить.

Мы были еще юным народом, и время пророков для нас еще не наступило. Народу Израиля, осознавшему свои цели и поверившему в свое дело, не было нужды в пророках.

Так казалось первоначально.

Библия завершилась задолго до его появления на свет. Пророков в Израиле больше не было, – не потому что Господь перестал посылать Своему народу пророков, – но народ утратил возможность слышать их голос!

Отойди от меня, человек, отойди – я зеваю.
Этой страшной ценой я за жалкую мудрость плачу.
Видишь руку мою, что лежит на столе, как живая, –
Разжимаю кулак и уже ничего не хочу.

Отойди от меня, человек. Не пытайся помочь.
Надо мною густеет бесплодная тяжкая ночь.

